

Памяти Марка Генриховича Арановского

In Memory of Mark Genrikhovich Aranovsky

**«ВСЕГДА ОСТАВАТЬСЯ ЧЕСТНЫМ...»
(последнее интервью журналу)**

**«TO ALWAYS REMAIN HONEST»
(The Last Interview to PMN)**

16 декабря 2009 года ушёл из жизни Марк Генрихович Арановский – выдающийся российский учёный – музыковед, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Всю свою жизнь он отдал исследовательской работе – сначала в Ленинградском научно-исследовательском институте театра, музыки и кинематографии (ныне Российский институт истории искусств), а с 1980-го года – в Государственном институте искусствознания в Москве. В течение многих лет он возглавлял здесь Диссертационный совет, Отдел музыки, а в последние годы – созданный им Отдел современных проблем музыкального искусства.

Марк Генрихович был учёным-аналитиком, твёрдо отстаивающим высшие научные принципы. Его труды «Мелодика Прокофьева», «Симфонические искания», «Синтаксическая структура мелодии», «Музыкальный текст. Структура и свойства», «Первоначальный план оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила»», цикл исследований музыки Шостаковича, ряд статей по вопросам музыкального мышления и творческого процесса вошли в классический фонд отечественного музыкознания. В память о нём журнал представляет опубликованный ниже материал – интервью главному редактору «ПМН» Л. Н. Шаймухаметовой, статью «Слово об учителе» ст. научного сотрудника ГИИ Н. А. Рыжковой, информацию об изданиях, посвящённых М.Г. Арановскому.

М. Г. Арановский

December 16, 2009 is the day of untimely death of Mark Genrikhovich Aranovsky – a prominent Russian scholar, musicologist, Doctor of Arts, Professor, Honored Worker of the Russian Federation. He gave all his life to research, first, at the Leningrad Research Institute of Theater, Music and Cinematography (currently – Russian Institute of History of Arts) and, from 1980, at the State Institute of Art Theory in Moscow. There, he has chaired the Dissertation Committee, the Division of Music and, in the recent years, his own creation, the Division of Contemporary Problems of Musical Art.

Mark Genrikhovich was a scholar-analyst, the one who stood firm in defense of the high scientific principles. His works “Melodicism of Prokofiev”, “The Quest for Symphonicism”, “Syntactic Structure of Melody”, “Musical Text. Structure and Characteristics”, “Initial Plan for M. I. Glinka’s Opera *Ruslan and Ljudmila*”, a cycle of essays on music of Shostakovich, a number of articles concerning the questions of musical thinking and creative process have become a part of golden collection of Russian musicological texts. In his memory, our journal publishes the following materials: an interview taken by the Chief Editor of the PMN Ljudmila N. Shaymukhametova, an article “A Word about the Teacher” by the Associate Professor of State Institute of Art Theory N. A. Ryzhkova, and the information on published materials dedicated to M. G. Aranovsky.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Марк Генрихович, за многие годы профессиональной исследовательской работы Вы оказались свидетелем разнообразных процессов, происходящих в российской науке. Можно ли обозначить самые важные, на ваш взгляд, события в развитии отечественного музыкознания?

Question (L. N. Shaymukhametova) – Mark Genrikhovich, during the years of your professional research you have become a witness to a variety of processes, which took place in Russian music scholarship. Could you mark

the most important events in the development of Russian musicology?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Событий было так много, что для ответа на Ваш вопрос потребовалось бы написать большое исследование.

Answer (M. G. Aranovsky) – There were too many events, so many, that in order to answer to your question I would have to write a large study.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Хотелось бы узнать, кто были вашими учителями?

Q – We would like to find out, who were your teachers?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Первым своим учителем я считаю Юрия Николаевича Тюлина, который поддержал мой интерес к музыковедению и посоветовал поступать на теоретико-композиторский факультет Ленинградской консерватории. Далее следуют руководитель моего дипломного проекта Эмилия Лазаревна Фрид и руководитель работы над кандидатской диссертацией Михаил Кесаревич Михайлов. Это – учителя, с которыми я непосредственно общался.

Второй круг учителей, – те, у которых я слушал лекции. Среди них – Михаил Семёнович Друскин, Юрий Всеволодович Келдыш, та же Эмилия Лазаревна Фрид, Борис Александрович Арапов, Николай Григорьевич Привано.

A – My first teacher was Yuri Nikolayevich Tjulín. He had supported my interest in musicology and advised to apply for the Department of Theory and Composition at the Leningrad Conservatory. Then, I would name the supervisor of my conservatory Diploma project Emilia Lazarevna Fried and the supervisor of my Candidate dissertation Mikhail Kesarevich Mikhailov. These are my teachers with whom I have spent years in daily communication. The second circle of my teachers includes those, whose lectures I have been attending. Among them there were Mikhail Semyonovich Druskin, Yuri Vsevolodovich Keldysh, Emilia Lazarevna Fried (whom I already mentioned), Boris Alexandrovich Arapov, and Nikolai Grigorievich Privano.

Не могу не сказать о людях, с которыми я работал и которые, несомненно, повлияли на моё профессиональное становление. Это Арнольд Наумович Сохор и Генрих Александрович Орлов. Наконец, самый широкий круг учёных, воздействие которых я на себе ощутил, – это искусствовед Генрих Вёльфлин, музыковеды Борис Владимирович Асафьев, Виктор Абрамович Цуккерман, Лео Абрамович Мазель, лингвисты Юрий Михайлович Лотман, Ролан Барт.

Но главное, как бы это ни показалось самонадеянным, я не принадлежал ни к какой школе, ни к какой традиции. Я всегда был автодидактом, то есть «учеником своих идей»: избирал те методы исследования, которые диктовали возникающие передо мной научные проблемы.

I have to mention also the people I have been working with, those who have influenced my professional becoming. These include Arnold Naumovich Sokhor and Genrich Alexandrovich Orlov. And, at last, I would like to name a wider circle of scholars, whose influence I have sensed during these years: an art critic Genrich Woelflin, musicologists Boris Vladimirovich Asafiev, Victor Abramovich Zuckerman, and Leo Abramovich Mazel, linguists Yuri Mikhailovich Lotman and Roland Barthes. But most importantly, no matter how strange this may sound, I never belonged to any school, to any tradition. I have always been an autodidact, that is, “the student of my own ideas”; I always chose those methods, which were dictated by the scientific problems I had to solve.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Какой из ваших опусов был первым?

Q – What was your first opus?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Моим первым печатным опусом является статья в сборнике ЛГИТМИКа «Вопросы теории и эстетики музыки», вып. 4 – «Романтизм и русская музыка».

A – My first printed opus was an article, placed in the Collection of Works of LGITMIK “The Questions of Theory and Aesthetics of Music”, volume 4. The title of my article was “Romanticism and Russian Music”.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Вы – автор многих книг и фундаментальных исследований в разных областях музыковедения, которые во многом определили качественное состояние современной научной мысли. О них говорят: «У Арановского что ни статья – то концепция, что ни концепция – то открытие». А между прочим, у писателей, режиссёров, актёров обычно есть особая – центральная тема творчества. Наверное, она есть и у учёного?

Q – You have authored many books and fundamental studies in various areas of musicology, which, in many aspects, have defined the high standards of contemporary scholarly thought. They say about your works: “Each article of Aranovsky presents a concept; each such concept is a discovery.” By the way, actors, writers, theatrical directors – each have a central theme. Perhaps, there is such theme in the life of a scholar, as well?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Да, действительно, у меня есть центральная проблема, которой я занимаюсь на протяжении долгих лет, исследуя её с разных сторон. Это – проблема музыкального мышления.

A – Yes, true, there is a central problem, which I have been working on throughout many years, approaching it from different angles. It is the problem of musical thinking.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Российскую науку принято официально делить на академическую и вузовскую, и неофициально – на столичную и периферийную. Это – формальное деление или Ваше зоркое профессиональное око видит между ними качественные различия?

A – Russian music scholarship is officially divided into academic and university-based, and unofficially, into central and peripheral. Is it a mere formality, or your well-trained professional eye sees here a qualitative differentiation?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Мне кажется это деление условным и несущественным. Всё зависит от таланта исследователя, от его свежего взгляда на проблему.

A – I think that this division is conditional and unimportant. Everything depends on the talent of the researcher and on his or her fresh perception of a problem.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– В различных отраслях профессиональной деятельности есть понятие «научная школа». Какой смысл и оценку вы вкладываете в него применительно к музыкальной науке?

Q – Different fields of professional activity present “scientific schools”. What is your approach to a “scientific school” and how do you interpret such notion in application to musical scholarship?

Ответ (М. Г. Арановский):

– Да, действительно, в музыковедении складывались и складываются в наше время научные школы. Но, как мне кажется, это имеет и положительные, и отрицательные последствия. Положительные понятны, отрицательные же заключаются в том, что школа оказывает сковывающее воздействие на мышление исследователя, предлагая ему заранее кем-то выработанные пути. Я был неоднократно свидетелем и того, и другого. С моей точки зрения, всегда надо оставаться самим собой.

A – Yes, indeed, musicology as a field gave birth to different scientific schools. However, it seems to me, that their creation has both positive and negative consequences. The positive ones are self-evident; the negative ones are such, that the scientific school limits the freedom of a scholar, handing down ready-made paths of research. I have been a witness of both effects of such schools. I am convinced that it is always important to remain yourself.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Долгое время наука в России и на Западе существовала в параллельных мирах. Однако ничто не мешало нашим специалистам успешно существовать в полной изоляции от мира и при этом совершать открытия. Мировая наука по-прежнему развивается автономно и независимо от российского музыковедения. Ни на Западе, ни на Востоке нас не знают. Продвигаемся навстречу друг другу с большим трудом. Что вы думаете по этому поводу?

Q – For a long time the sciences¹ in Russia and in the West existed in the parallel worlds. Nothing has kept our scholars from successful work in complete isolation and from making great discoveries. The science in the world is still developing autonomously and independently from Russian musicology.

Ответ (М. Г. Арановский)

– Я думаю, это очень плохо. Наука должна питаться взаимнообменом идей, что относится к музыковедению так же, как и к физике, медицине, многим точным современным наукам.

¹ In Russian language, the word “science” (nauka) has the root “to learn” and applies to all scholarly fields, including, besides what is commonly called science in Anglo-Saxon tradition, humanities in general and, the art theory in particular. The translator is aware of this discrepancy and offers a compromise: in this context, Russian musicologists are talking about music scholarship, rather than science. However, the translator decided to retain the term “science” in few places in this interview in order to bring in the flavor of genuine Russian discourse.

A – I think that it is very bad. The science has to be nourished by the exchange of ideas. This applies to musicology just as it does to physics, medicine, and other natural sciences.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– Сейчас много говорят и спорят об «оттоке» и «притоке» молодых сил в науку. Изменилась ли в последние годы эта ситуация?

Q – It is common nowadays to discuss the “inflow” and the “outflow” of young people in and out of science. Has the situation changed in the recent years?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Я думаю, что придётся говорить только об оттоке. К сожалению, музыковедение в силу разных причин, в том числе и материального характера, оказалось малопривлекательным для молодёжи.

A – I think, it is mostly the outflow. Unfortunately, musicology, due to many reasons, material one being not the least of them, becomes less and less appealing to young people.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– А в ГИИ всё так же трудно защищать диссертации? Каков процент молодёжи среди диссертантов?

Q – How about the State Institute of Art Theory? What is the percentage of the young among the degree candidates?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Диссертации защищать в Государственном институте искусствознания в Москве ничуть не труднее, чем в другом диссертационном совете. Всё зависит от качества работы, к которому мы предъявляем действительно серьёзные, академические требования. Молодёжь появляется, но гораздо реже, чем в прошлые годы.

A – It is not more difficult to defend a dissertation at the State Institute of Art Theory than in any other Dissertation Council. Everything depends on the quality of the work, to which we, indeed, approach with serious, academic requirements. Young people are coming in, but not as often as in the past.

Вопрос (Л. Н. Шаймухаметова)

– У врачей есть «клятва Гиппократата», у судей – «кодекс чести», широко известны «заповеди журналиста». Можете ли Вы сформулировать для молодых учёных важнейшие, на ваш взгляд, принципы профессиональной работы исследователя-музыковеда?

Q – The medical doctors have the Hippocrates Oath, the judges—the Code of Honor; it is known that there is the “Testament of the Journalist.” Could you formulate, for the young scholars, the most important principles of professional work of a music researcher?

Ответ (М. Г. Арановский)

– Всегда оставаться честным – и к людям, и по отношению к исследуемому материалу.

A – To always remain honest—in relation to people, as well as in relation to the research material.

